

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2016

Ростов
2017

Торговая деятельность первостатейных крестьян Ростовского уезда в конце XVIII – первой половине XIX в.

А. Г. Морозов

В социальной иерархии, внутри крестьянского сословия, «первостатейные» крестьяне крупных ростовских торгово-промышленных сел Поречья-Рыбного, Угодичей, Сулости, Борисоглебских слобод и др., благодаря занятиям масштабной торговлей и промыслами, своему богатству, являлись «лучшими людьми» вотчины, занимали первые должности в управлении вотчиной и общиной, были, подобно купцам, освобождены от телесных наказаний. Всего их насчитывалось до 23 % от общего числа крестьян¹. Рассмотрим торговую деятельность данной страты.

Главным фактором развития внутреннего рынка в России в XVIII в. являлся рост неземледельческого населения, занятого торгово-промышленной деятельностью. Этот рост осуществлялся в первую очередь за счет промыслового крестьянства. Стремительное развитие крестьянских промыслов во второй половине столетия стимулировало процесс разложения натурального хозяйства в аграрном секторе экономики, способствовало повышению его товарности².

Крестьяне Ростовского уезда вели значительную оптовую торговлю во многих городах. В «Дневной записке путешествия в Нижний Новгород...», датированной 1786 г., граф Александр Владимирович Орлов так характеризует крестьян крупного села Поречья-Рыбного: «В сем селе 843 души... Многие из пореченских мужиков торгуют, а прочие почти все огородники, да небольшое число рыбаков. Вообще можно сказать, что они очень богаты. Большая часть из них имеют от двух до трех тысяч капиталу. Многие от десяти до двадцати, а иные – более пятидесяти тысяч рублей. Они житья хорошего, прилежны к церкви. Иные из них – весьма хорошие люди, каков наш бурмистр и другие»³.

Право крестьянского торгового судопроизводства осуществлялось по свидетельствам и разделялось на шесть, а с 1826 г. – на четыре рода. Свидетельства первых

¹ Морозов А. Г. Социальная структура (стратификация) ростовских крестьян-огородников в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История и культура Ростовской земли. 2008. Ростов, 2009. С. 196–199.

² Милов Л. В., Цимбаев Н. И. История России XVIII–XIX веков / под ред. академика РАН Л. В. Милова. М., 2006. С. 59–60.

³ Морозов А. Г. Ростовская земля в «Дневной записке путешествия в Нижний Новгород...» графа Александра Владимировича Орлова // СРМ. Ростов, 2016. Вып. 21. С. 58–66.

трех родов давали право купеческой торговли и соответствовали 1–2–3 гильдии⁴. Не ограничиваясь торговлей на ярмарках, заведением лавок в городах владельческие крестьяне под патронажем своих помещиков брали подряды на поставку товаров в казну. Большую роль в снабжении вооруженных сил играли закупки, производившиеся различными правительственными учреждениями. Значительные обогащения на казенных поставках, особенно во время войны, следует отнести к источникам первоначального накопления.

С середины XVIII в. резко возрастают хлебные грузопотоки из районов черноземных губерний. Хлебная торговля находилась в руках скупщиков, покупавших хлеб у крестьян по низким ценам, перепродававших зерно, муку крупным купцам, ведущим оптовую торговлю. Капиталы некоторых из них исчислялись миллионами⁵.

Вотчинная документация графа В. Г. Орлова содержит ежегодные сведения о подрядах на десятки тысяч пудов муки, зерна, крупы в военное ведомство, о масштабной торговой деятельности определенного круга крестьян Поречья-Рыбного. Такие крестьяне пользовались особым доверием помещика, участвовали в крупных оптовых операциях по продаже упомянутых товаров, произведенных в его же вотчинах⁶. Например, в Усольской на Средней Волге, где насчитывалось 36 селений с крепостными крестьянами в 26–27 тысяч душ и около 300 тысяч десятин земли. Центром вотчины являлось село Усолье⁷.

Рассмотрим несколько конкретных примеров. 2 января 1800 г. домовая контора графа В. Г. Орлова пригласила крестьян Поречья-Рыбного Ивана Маринина, Якова Баженова и Ивана Королева, полагая поручить им отправить в Петербург партию графского воска, белого – до 1500 и серого – до 100 пудов. Передать воск полагалось жившему в столице комиссионеру⁸, поречскому крестьянину Василию Самойлову, которому разрешалось при нужде в деньгах брать их с крестьян, проживавших в Петербурге, «у кого по способности». Деньги, получаемые за воск при продаже, предписывалось с другими не смешивать, вести особый счет, чтобы видеть, какая будет прибыль. Комиссионер должен был регулярно отсчитываться перед домовой конторой по почте, когда и сколько воска он продал. Для торговли ему были отправлены восковые образцы. Из переписки видно, что весь отправленный

⁴ Ляпанов А. В. Государственные крестьяне Владимирской губернии после реформы П. Д. Киселева 1841–1866 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владимир, 2005. С. 62.

⁵ Шишилов А. В. Торговля, транспорт и связь в России первой половины XVIII века. Воронеж, 2008. С. 201–203, 247.

⁶ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 534. Л. 11, 19; Д. 536. Л. 168 об., 170 об., 172, 173, 194, 199; Д. 544. Л. 12 об., 54–55, 56 об., 57 об.; Д. 548. Л. 41–42 об., 53–53 об., 61 об.; Д. 557. Л. 31 об., 53 об., 54, 69, 69 об., 70, 79–79 об., 88, 93, 93 об., 96, 96 об., 97, 105 об., 106, 113, 117, 138–139 об., 146–147, 149 об., 150.

⁷ Ведомость об урожае пшеницы, ржи, овса и о наличии скота и птицы по Ахтушинской волости. 1803 г. // Государственный архив Ульяновской области. Ф. 147 (Архив Усольской вотчины графов Орловых и Орловых Давыдовых с. Усолье Сызранского уезда Симбирской губернии, 1758–1917 гг.). Оп. 5. Д. 13. Л. 1–1 об.

⁸ Комиссионер – посредник в торговых сделках, исполняющий торговые поручения за определенные проценты.

в январе в Петербург воск 1591 пудов 35 фунтов купили крестьяне Поречья-Рыбного Иван Маринин Меньшой и Андрей Титов с поручительством Ивана Королева «и другого надежного человека» по цене 24 руб. 50 коп. за пуд. Кроме воска они приобрели и 600 пудов сальных свеч в Москве по 6 руб. 60 коп. за пуд, дав обязательство внести деньги в домовую контору через 13 месяцев. В Петербург Самойлову был отправлен приказ: присланный воск никому не продавать, так как он продан Маринину и Титову⁹.

6 января 1800 г. графом В. Г. Орловым рассматривалось и было словесно утверждено мнение домовой конторы и Ивана Королева «с товарищами» о закупке хлеба, а также сальном промысле в низовых местах: «...всякой хлеб удобнее покупать в осень, при этом его покупателю должно иметь сведения о ценах на хлеб в Казани и в прочих местах». Бурмистру Усольской вотчины Фомина домовая контора поручила донести, какой в тех местах можно употребить капитал на покупку хлеба. Закупку сала для графского свечного завода, по мнению Королева, было удобнее производить в Усолье. Запрашивалось мнение Фомина, можно ли собрать для закупки от 10 до 20 тыс. пудов сала, разлить в «лакуны» и отправить водой до Рыбинска, а оттуда в Петербург. Оговаривалось, что если такого количества сала не наберется, то «входить не должно в дело». О ценах на сало, какие бывают в Петербурге при торге, приказано было узнать через Самойлова и Маринина¹⁰.

24 января 1800 г. крестьяне Поречья-Рыбного Иван Маринин Меньшой и Василий Маринин, Иван Королев и Андрей Титов дали подписку о покупке в Усольской вотчине хлеба. Пшеницу зерном и ржаную муку урожая 1799 г. они покупали по цене, по какой продавал бурмистр Фомин, с 15 февраля по 1 марта партиями, пшеницы — до 2000 кулей, а муки ржаной — до 3000 кулей, весом в 9 пудов 3 фунтов, за наличные деньги. Крестьяне брали пшеницы в 9 мер 10 000 четвертей, муки ржаной — 10 000 кулей. Было оговорено 10 % на рубль с того числа, в какое будут приняты Фоминым наличные деньги за проданные ими партии. В начале февраля Фомин отпустил Королеву 5000 кулей по цене 2 руб. 40 коп. за куль. Деньги выплачивались через год. 14 февраля Василий Маринин с А. Бояркиным (приказчиком Маринина Меньшого) закупили, первый — пшеницы 2000 четвертей в 9 мер, а второй на счет хозяина пшеницы — 3000 четвертей и муки ржаной — 4000 четвертей весом в 9 пудов 3 фунта. Как значится в переписке конторы о продаже усольского хлеба, было назначено продать из данной вотчины ржи — всего 20 000 четвертей. Из них 13 500 четвертей бурмистр Фомин продал вышеуказанным крестьянам¹¹.

Сведения о масштабной торговой деятельности крестьян Ростовского уезда содержат договоры и контракты явочного характера, отложившиеся в маклерских книгах Ростова конца XVIII — начала XIX в. Во-первых, договоры по найму, постройке и снаряжению судов для транспортирования провианта речной коммуникацией. Так, 10 февраля 1801 г. помещицкий

⁹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 535. Л. 1 об., 51 об.; Д. 544. Л. 6 об., 12 об., 28–29, 33.

¹⁰ Там же. Д. 544. Л. 12 об.

¹¹ Там же. Л. 54–55, 57–57 об.

крестьянин Нижегородской губ., деревни Калякиной Петр Семенов, будучи в Ростове, заключил договор с крестьянином Поречья-Рыбного Василием Ивановым Марининым. Семенов подрядился доставить на собственной благонадежной «росшиве», от Ахтушинской пристани (близ Усолья) до Рыбинска или до Шехонского устья муки ржаной 700 кулей, весом в 9 пудов каждый. Маринин по договору мог погрузить и пшеницу. В условиях прописаны поставка груза в вешнее время; погрузка товара подрядчиком своим коштом и работниками из амбаров Маринина; ответственность за груз в пути с компенсацией за его порчу или утрату; снабжение судна необходимым числом снастей. При подходе к Рыбинску Семенов обязывался ждать две недели. Затем перевозчик получал с Маринина по 10 руб. за каждую неделю простоя. По цене перевозки Семенов договорился получить с Маринина по 1 руб. 50 коп. с каждого куля ржаной муки, что составляло 1050 руб. За пшеницу – по 1 руб. 60 коп. При подписании договора Маринин внес задаток половину денег, 540 руб. Остаток вносился при благополучной доставке в Рыбинск. Семенов предоставил в задаток Маринину свою «расшиву». Договор за неграмотного Семенова подписал купец Н. И. Бабушкин¹².

Аналогичные договоры на перевозку с Ахтушинской пристани до Рыбинска провианта подписали 13 февраля 1801 г. помещичий крестьянин деревни Чернильникова, Балахонской округи Иван Гаврилов Чувилин – владелец двух «расшив» и поречский крестьянин Иван Иванов Маринин Большой – 1000 кулей весом в 9 пудов¹³. 14 марта 1804 г. тот же Иван Гаврилов Чувилин с братом Петром и поречский крестьянин Андрей Абрамов Титов – мука ржаная и овес, 1150 кулей весом в 9 пудов¹⁴.

Рыбинск являлся важным перевалочным пунктом, где Волга вниз по течению становилась полноводнее, принимая воды рек Шексны и Мологи. Поток грузов, следовавших вверх по реке и Вышневолоцкой системе в Петербург, в Рыбинске приходилось перегружать на суда с мелкой осадкой¹⁵. Так, в течение двадцатых чисел марта 1804 г. крестьяне Поречья-Рыбного Василий Маринин и Василий Самойлов заключили 5 договоров с помещичьими и казенными крестьянами разных селений Мышкинской, Мологской и Брейтовской округи на постройку и поставку барок к Рыбинску. В договорах поречские крестьяне представлены как поверенные поставщика провианта Государственной военной коллегии по провиантской экспедиции графа В. Г. Орлова. Всего по 5 договорам насчитывается 67 барок для постройки и доставки в Рыбинск, 59 крестьян из 3 сел и 35 деревень. При средней цене в 185 руб. за барку Маринин и Самойлов должны были потратить 12 395 руб., из которых они выдали задаток 5025 руб.¹⁶ Договоры иллюстрируют развитие крестьянских промыслов на Верхней и Средней Волге.

¹² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3250. Л. 34 об.–35 об.

¹³ Там же. Л. 41–42.

¹⁴ Там же. Л. 126–126 об.

¹⁵ Рыбинск. Документы и материалы по истории города. Ярославль, 1980. С. 23.

¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 94 об.– 96, 146–148 об.

Доставка товаров в Петербург осуществлялась отчасти на санях и подводах. Так, 23 февраля 1794 г. крестьяне Тверского уезда, промышлявшие извозом, заключили с поречским крестьянином Иваном Марининым договор о доставке из Ростова в Петербург принадлежавшего графу В. Г. Орлову топленого сала, в количестве 34 подвод по 25 пудов¹⁷.

Выплата денег помещику по торговле осуществлялась в оговоренные сроки. 8 февраля 1800 г. Иван Маринин Меньшой просил отсрочить состоящий на нем долг в 20 600 руб. на 3 месяца. Срок выплаты наступал 20 марта. 10 февраля ему было приказано деньги внести в срок, «ибо государь граф не желает отсрочки, сделать ее не соизволил». В конце февраля Маринин рапортовал в домовую контору, что его долг графу выплачен¹⁸. При отсрочке выплаты подобного долга помещику на сумму начислялись проценты. Например, из прошения Маринина 9 июля 1808 г. видно, что он был должен В. Г. Орлову 30 927 руб. 92 коп., из которых 17 000 руб. вручил ему в подмосковном имении Отрада 8 июля. Оставшуюся за ним сумму в 13 927 руб. 92 коп. Маринин просил отложить до 1 августа того же года с получением «прибыльных», как правило, 10–12 % на рубль в год, на 1–3 месяца – по расчету. На прошении имеется резолюция графа: «По просьбе сей отсрочить и прибыльных получить сполна». 11 августа Маринин просил принять от него из 13 927 руб. 24 коп. 3 927 руб. 24 коп., а выплату 10 000 руб. отсрочить от 1 августа еще на два месяца с уплатой последующих процентов вперед, на что получил разрешение¹⁹.

Договоры о поставке провианта в казну выполнялись под залог крепостных душ разных вотчин графа В. Г. Орлова, а также его дочери Е. В. Новосильцевой, графа Н. П. Панина по «верующим письмам», то есть доверенностям. Только за 1808 г. на поставку провианта крестьянину Ивану Маринину Меньшому домовой конторой В. Г. Орлова было выдано 8 доверенностей, в общей сложности с 5591 крепостными душами. Нередко крестьяне вели такие дела совместно с компаньонами из купечества. И не всегда честно. Например, 24 января 1801 г. Меньшой Маринин писал в домовую контору В. Г. Орлова, что он желает купить хлеб в Усолье под вексель купца И. П. Мичурина и под поручительство известнейшего петербургского купца И. В. Кусова. Домовая контора ответила ему, что граф «сим расположением» названных купцов доволен. Поскольку залогами здесь служили уже купеческие вексель и поручительство, а не крепостные души самого графа. Жившему в Петербурге поверенному В. Г. Орлова порецкому крестьянину Василию Самойлову был отправлен приказ проверить, действительно ли Мичурин и Кусов возьмутся исполнять показанное Марининым. Сообщение Самойлова от 28 января свидетельствует, что купец Мичурин вексель действительно давал. А вот И. В. Кусов быть поручителем за Маринина Меньшого отказался²⁰.

¹⁷ Там же. Д. 2888. Л. 131–131 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 544. Л. 68, 81 об.

¹⁹ Там же. Д. 679. Л. 9 об., 10, 32 об., 33 об.

²⁰ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 557. Л. 31 об., 53 об. – 54.

Тем не менее И. В. Кусов имел с Ростовом непосредственные торговые связи. Маклерская книга Ростова за 1806 г. содержит договор, подписанный 21 февраля, во время ростовской ярмарки, от имени коммерции советника и кавалера Ивана Васильевича Кусова, его комиссионером, крестьянином Поречья-Рыбного Семеном Афанасьевым Костылевым, с занимавшимися извозом крестьянами Ростовского уезда Иваном Евдокимовым, Петром Егоровым и Никифором Григорьевым. По договору Иван, Петр и Никифор приняли от Костылева 53 «тука» воска, весом в 393 пуда 23 фунта и обязались доставить его в Петербург на их собственных подводах, «во всякой целости зимними или летними повозками к показанному господину Кусову». За провоз воска им причиталось получить по 70 коп. с каждого пуда. Кроме воска крестьяне приняли от Костылева для Кусова 11 бочек поташа, весом с деревом 316 пуд. 3 фунта. За провоз поташа им предстояло получить по 65 коп. с пуда. При подписании договора перевозчики получили от Костылева аванс 145 руб., или «треть всей провозной цены». Вторую треть оплаты им полагалось получить в Вышнем Волочке, а последнюю — в Петербурге, при передаче товара Кусову²¹. Таким образом, поташ для своего петербургского завода И. В. Кусов приобретал вместе с некоторыми другими товарами, через своего комиссионера, крестьянина Семена Костылева на ростовской ярмарке.

У крупных комиссионеров, подрядчиков типа Маринина (их в вотчинной документации Поречья-Рыбного насчитывается более 10), имелись торговые конторы со штатом приказчиков и конторщиков из представителей разных сословий: крестьян, мещан и купцов²². В маклерских книгах Ростова конца XVIII — начала XIX в. отложились трудовые договоры таких приказчиков²³. У поречского крестьянина, комиссионера ростовских питейных сборов Василия Иванова Сорогина имелся даже собственный кучер, получавший жалование 5 руб. в месяц²⁴.

Казенные крестьяне имели право вступать в подряды с казной, купцами, брать займы деньги у лиц, не принадлежавших их ведомству. В отличие от помещичьих у казенных крестьян господствовала круговая порука. При вступлении в подряды они давали круговые поручительства всем обществом. Необходимо было внести определенный задаток²⁵. Входить во всякого рода обязательства могли и вольные хлебопашцы²⁶.

О масштабе торговой деятельности Ивана Маринина Меньшого по поставке провианта в армию, обусловленной Отечественной войной 1812 г.

²¹ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3445. Л. 30–30 об.

²² РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 527. Л. 24. 26. 28–30. 31 об. 32. 34; Д. 548. Л. 151 об.; Д. 557. Л. 48 об.; Д. 679. Л. 32 об., 102 об.

²³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2888. Л. 72–72 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 557. Л. 4 об.

²⁵ Ляпанов А. В. Указ. соч. С. 76.

²⁶ Потапова Е. В. Государственные крестьяне Тверской губернии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 Тверь, 2005. С. 60.

свидетельствует его прошение в домовую контору от 17 января 1813 г. Он сообщал, что берет поставку в сухопутные магазины на 1814, 1815 гг., и просил залогов крепостными душами до миллиона рублей. Война 1812 г. принесла крестьянину и значительные убытки. Из его сообщения от 17 июня 1813 г. видно, что от нашествия Наполеона на Смоленск, Гжатск и Москву сторело барок, снастей, кулей и прочего товара на 26 500 руб., а в Москве — дом со всем имуществом на 100 000 руб. Маринин спрашивал, как поступить в подаче объявления — от имени графа В. Г. Орлова, или от своего имени. В ответе конторы, последовавшем 24 июня, значится, что о потерянном убытке в барках и кулях имуществе в доме объявление подать от своего имени, а о самом доме — от имени конторы²⁷. Перед нами — наглядный пример: движимое имущество и капитал находились в полном распоряжении состоятельного крепостного крестьянина «по обычаю», нарушение которого считалось неприличным даже в дворянской среде²⁸. Недвижимость была записана на имя помещика.

Судьба Ивана Маринина Меньшого в конце его жизни оказалась трагичной — он разорился. Об этом пишет в своих записках уроженец Ростова, петербургский купец Алексей Леонтьевич Кекин, крестный которого, его двоюродный дед Михаил Алексеевич Кекин был женат на дочери Маринина Меньшого, Секлетее Ивановне: «Тесть М. А. М. (Маринин — А. М.) взял подряд в казну, по тогдашнему, на 2 или 3 года, как обыкновенно брали, и вдруг ранняя зима: все лодки его замерзли, не дошедши до СПб., где мука из-за неподвоза поднялась вдвое и М. разорился совсем. До этого дед М. А. был у него при Конторе, а затем и там не у чего было быть: так, когда неудачи и несчастья, то они не приходят поодиночке»²⁹. После разорения в 1823 г. Маринин Меньшой скончался³⁰. Обширная документация о его долге, привлечении к ответственности по иску разных лиц Петербургским уездным судом за эти долги графа В. Г. Орлова и его наследников; разбирательство дела в Сенате; жалобы по иску и тяжбы в течение 18 лет, с 1823 по 1841 гг. в совокупности составляет в фонде Орловых-Давыдовых РГАДА 25 дел³¹.

Торговля у крестьян нередко сочеталась с огородничеством. Житель с. Угодичи А. Я. Артынов вспоминал: «Отец ежегодно выезжал на ярмарку в Тихвин, которая бывала одновременно с Ростовской, торговал там свежей уральской рыбой, соленой саратовской и огородными семенами... После ярмарки он оставался там огородничать на монастырских огородах Тихвинского большого монастыря. Приезжал он домой уже в декабре месяце в разные числа». Ниже он пишет: «По обычаю прошлых лет, в 1824 г. зять Гаврило

²⁷ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 820. Л. 27 об., 39 об., 64 об. — 65, 76, 82 об., 94.

²⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России. СПб., 2000. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. С. 392.

²⁹ ГМЗРК. Р-468. Л. 32.

³⁰ *Морозов А. Г.* Дом Маринина-Меньшого в селе Поречье-Рыбном // СРМ. Ростов, 2000. Вып. 11. С. 155–156; РФ. ГАЯО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

³¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ч. III. Д. 2549, 2550, 2552, 2554; Оп. 1. Ч. IV. Д. 2786, 3190–3196, 3225–3230, 3233, 3234, 3244, 3249, 3251, 3253, 3257; Ф. 1274. Оп. 1. Ч. I. Д. 605.

собрался на пестрой неделе опять в Тихвин с купленным в Ростове товаром: семенами и луком; поехал он вместе с рабочими и со мной, мать же моя осталась в Угодичах»³². Воспоминания А. Я. Артынова о рыбном комиссионере его отца в Петербурге Николае Ивановиче Вьюшине нашли свое документальное подтверждение. Договоры и контракты маклерских книг Ростова свидетельствуют о достоверности данного сюжета в его воспоминаниях³³.

В документации Московской домовой конторы графа В. Г. Орлова периодически встречаются прошения крестьян ростовских вотчин об отпуске их по торговой части на Макарьевскую ярмарку, в Казань, Петербург, Оренбург, Уральск, Уфу и другие «торговые города», о выдаче им рекомендательных писем для подачи губернаторам³⁴. Так, 7 июля 1808 г. крестьянин Поречья-Рыбного Иван Яковлевич Королев просил помещика о письме к нижегородскому губернатору А. М. Руковскому «...о не оставлении его во время Макарьевской ярмарки, ибо он каждый год изволит на ней быть». Письмо было написано В. Г. Орловым в тот же день и послано Королеву при приказе от того же числа³⁵. Здесь же факты, свидетельствующие, что крестьяне Борисоглебских слобод промышляли куплей-продажей оптом крупных партий вина: в Таганроге и Цимле, Москве и Петербурге, на Макарьевской и Ростовской ярмарках³⁶. Эти сведения подтверждаются договорами, отложившимися в маклерских книгах Ростова³⁷.

Крестьяне Поречья-Рыбного, судя по контрактам, содержали в городах, часто на паях, «товарищества», трактиры, сдавали откупщикам здания под питейные дома в городе и уезде³⁸. Кроме огородных заведений в городах они имели семенные магазины, где товар отпускался мелким оптом и в розницу. В договорах упомянута стоимость семенного товара — от 4000 до 6000 руб., суммы аренды лавок — до 500 руб. в год, торговый инвентарь³⁹. Занимались крестьяне и ростовщицеством⁴⁰.

В рапортах бурмистров села Поречье графу В. Г. Орлову 1778–1783 гг. отложились ценные сведения о том, что крестьян кредитовал сам В. Г. Орлов.

³² Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова / предисл. А. А. Титова. М., 1882. С. 14, 47.

³³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 122, 124–124 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 679. Л. 14, 14 об., 52 об., 55 об., 56, 104; Д. 820. Л. 56, 75 об., 78 об., 115, 141.

³⁵ Там же. Д. 679. Л. 7 об., 78; Д. 986. Л. 114 об.; Д. 820. Л. 103 об., 115, 120; Д. 869. Л. 36.

³⁶ Там же. Д. 548. Л. 141; Д. 557. Л. 9–9 об., 40–40 об., 56, 57–57 об.

³⁷ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 57 об.

³⁸ Там же. Л. 157 об.—158 об., 235 об.—238; Д. 2888. Л. 208 об.—209, 246 об.; Д. 3250. Л. 57, 73–73 об., 99 об.

³⁹ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 68 об.

⁴⁰ Морозов А. Г. Заемные письма и расписки «под известный процент» в маклерских книгах Ростова конца XVIII — начала XIX в. // Трефоловские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция 29 сентября — 1 октября 2016 года: сб. статей / науч. ред. проф. Г.Н. Кочешков. Ярославль, 2017. С. 175–183. См. также: РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3357. Л. 48 об., 202 об., 213.

Заемщики могли взять деньги не только сами, но через родственников и компаньонов, оформив у бурмистра письменные доверенности⁴¹. Несколько крестьян (среди них, например, Василий Федоров Королев) имели полученные еще от князя Г. Г. Орлова аттестаты на 35 000 руб. В. Ф. Королев вместе с односельчанами Арбековым и Ремешковым держал в рассматриваемый период соляную поставку в Костромскую губернию⁴². У целого ряда крестьян от князя были аттестаты на 1000 руб.⁴³ Помещик выступает в данной переписке обладателем крупных денежных средств, которые он стремится выгодно пристроить. Как отмечал С. И. Архангельский, крепостные крестьяне интересуют В. Г. Орлова прежде всего с точки зрения выгоды вложения капитала. Патримониальный характер его власти сплетается здесь с очень детальными расчетами относительно извлечения прибыли⁴⁴.

Упомянутые рапорты свидетельствуют об активном участии крестьян в масштабных оптовых товарно-денежных операциях и о том, какое значение для поселян имела местная базарная торговля. Уже в работе А. А. Титова упомянут фрагмент рапорта о намерении властей уничтожить в Поречье «недельный торжок» и ходатайство перед графом о сохранении базара⁴⁵.

Несколько раз отмечаются факты создания комиссий из крестьян («из хороших торговых людей») для проверки торговых операций односельчан, подозреваемых в ведении «черных счетов». Такие комиссии создавались по просьбам и жалобам компаньонов из крестьян и купечества⁴⁶. Некоторые счета весьма значительны, например, 202 000 руб. у крестьян Федора Кочешкова и Афанасия Маринина. Нередко бурмистр докладывал о смерти крестьян, имевших от помещика доверенности на покупку для него же пашенных и других земель, а также о выборе для ведения упомянутых операций способных крестьян⁴⁷. Регламентации помещика и контроль общины являлись, в теории и практике, прагматичным и справедливым третейским судом при нарушении крестьянами контрактов с компаньонами, а также определенной гарантией от банкротства⁴⁸.

В Ростовском уезде крупные предприниматели-огородники выступали одновременно как огородники-промышленники и как скупщики, подчинив себе мелких огородников-товаропроизводителей. Соединение торгово-ростовщического капитала с промышленным – характерное явление для ростовского огородничества. Документация домового конторы князя

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 59 об., 89 об., 101.

⁴² Там же. Л. 101, 103 об., 104.

⁴³ Там же. Л. 104 об.

⁴⁴ *Архангельский С. И.* Симбилейская вотчина Вл. Ив. Орлова (1790–1800 гг.) // Нижегородский краеведческий сборник. Нижний Новгород, 1929. Т. 2. С. 166–186.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 2 об.

⁴⁶ Там же. Л. 3, 62–63.

⁴⁷ Там же. Л. 4.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 986. Л. 6 об., 10 об.; ОР РНБ. Ф. 775. Тит. Д. 1039. Л. 78 об.

С. М. Голицына свидетельствует, что некоторые крестьяне села Сулость, имевшие огороды в Петербурге, помимо продажи там овощей со своих собственных огородов скупали крупные партии овощей в Ростовском уезде, отправляли их в Петербург⁴⁹. Так, в 1815 г. один из них Иван Егорович Семов совместно с крестьянином с. Угодичи Андреем Леонтьевичем Мягковым «по неурожаю огурцов в Питере» закупил в своих селениях 255 600 шт. огурцов на 843 руб. 30 коп. Засолка и транспортировка огурцов водой через Ярославль стоила им 2888 руб. 30 коп., из которых Семов потратил 2525 руб., а Мячков — 263 руб. 30 коп.⁵⁰. Имела место оптовая продажа лука. К примеру, шарлот реализовывался в селах оптовым торговцам на вес, от 1 до 2 руб. сер. за пуд⁵¹.

Большой спрос в России и за рубежом существовал на зеленый горошек. С начала 1840 гг. горошек начали экспортировать за границу. В 1850 г. из Поречья было вывезено зеленого горошка на 519 120 руб. сер.⁵², что сопоставимо с оборотами ростовской ярмарки. Производители горошка продавали лучшие сорта от 20 до 40 коп. сер. за фунт, а катыш от 10 до 15 коп. сер. фунт. Некоторые из крестьян-производителей сами являлись скупщиками, скупали горошек в окрестных селениях. П. Островский сообщал об одном таком скупщике Поречья-Рыбного Устинове, который, скупая зеленый горошек у крестьян, «сортировал его посредством машины на 6 сортов» и затем отправлял в Москву, Петербург, Одессу, Астрахань, Архангельск и другие города. Это был крупный оптовый торговец, скупавший до 10 тыс. пудов зеленого горошка, уплачивая на месте за пуд от 6 до 16 руб.⁵³ В селе Угодичи один только крестьянин Мягков производил сам и по заказу скупал горошка от 200 до 500 пудов разделяя его на несколько сортов. Оптовые торговцы покупали горох на базаре, ссыпая в одно место кроме катыша. Набрав, таким образом, значительное его количество просеивали сквозь специально устроенную машину, на 5 или 6 сортов, которые обходились оптовикам от 6 до 15 руб. сер. пуд⁵⁴.

Таким образом, крупный производитель, представитель торгового капитала был не только скупщиком, но и заказчиком для мелкого производителя. Нередко скупщик отдавал скупленный товар местным специалистам в обработку, отделку, сортировку. Данные свидетельствуют не просто о скупке, а о соединенной с ней работе на скупщика, то есть об отношениях не только

⁴⁹ Федоров В. А. Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (конец XVIII — первая половина XIX века) // Вестник Московского университета. 1962. Серия 9. № 6. С. 62–63.

⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 3108. Л. 23–31.

⁵¹ Артынов А. Огородничество в с. Угодичи // ЯГВ. 1855. Ч. неофиц. № 10.

⁵² ЯГВ. 1850. Ч. неофиц. № 88.

⁵³ Островский П. Сельскохозяйственное статистическое описание Ростовского, Угличского и Романово-Борисоглебского уездов Ярославской губернии // Труды ВЭО. 1860. № 5. Т. 1. С. 294.

⁵⁴ Артынов А. Огородничество в с. Угодичи // ЯГВ. 1855. Ч. неофиц. № 9; ЯГВ. 1855. Ч. неофиц. № 39.

в сфере обращения, но и в сфере производства. Пример «особой формы производства» — практики работы на скупщика, зависимости от него⁵⁵. Зачастую крупный производитель и скупщик выступали в одном лице.

А. А. Титов определял, что население Ростовского уезда «не носит на себе чисто земледельческого характера, а до известной степени [имеет — А.М.] промышленный характер»⁵⁶. В Ростове и уезде на середину XIX в. общее число фабрик и заводов достигало 110⁵⁷. В соотношении предприятий по отраслям преобладали пищевые производства: 70 из 110. По городской и сельской промышленности — уезд преобладал над городом. Только 24 предприятия находилось в Ростове⁵⁸. Основная часть предприятий пищевой отрасли — по переработке трав и овощей — была сосредоточена в уезде. Из них преобладали цикорные, а также по технической переработке картофеля. Заводы, расположенные в уезде, в подавляющей своей массе и принадлежали предпринимчивым крестьянам. Со второй четверти XIX в. в источниках регистрируются факты выделения прослойки скупщиков в среде упомянутых промыслов, которые, устанавливая связи с потребителями продукции, вовлекали крестьян-производителей в товарно-денежные отношения. Раздавая последним заказы, а зачастую и задатки, они постепенно устанавливали контроль над мелкотоварным производством. Здесь необходимо говорить о складывании рассеянной мануфактуры⁵⁹.

Яркий пример крестьянина-заводчика — Яков Андреевич Пелевин (около 1790—1862), торговавший по свидетельству 2-го рода. В 1850-е гг. он имел два предприятия в Поречье-Рыбном. Сально-свечной завод с производством литых сальных свеч до 7200 пуд., по 3 руб. 70 коп. за пуд на 26 640 руб. сер. Рабочих было 14 чел. Сало топленое закупалось в городе Спаске Тамбовской губернии по 3 руб. Сбыт свеч производился в Петербурге. Мятно-тминный масляный завод с выгонкой английского и немецкого мятного масла до 600 фунтов по 3 руб. за фунт на 1800 руб., а также тминного масла 600 фунтов по 90 коп. за фунт на 340 руб., всего на 2340 руб. Рабочих было 2 чел. Мята закупалась у поречских огородников от 60 до 70 коп. за пуд, тминная — в Юрьевском уезде Владимирской губернии от 70 до 80 коп. за пуд. Сбыт производился в Москве и на Нижегородской ярмарке⁶⁰.

Таким образом, предметами торговли первостатейных крестьян Ростовского уезда помимо семян и овощей были и другие разнообразные

⁵⁵ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1971. Т. 3. С. 402.

⁵⁶ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885. С. 17.

⁵⁷ Хранилов И. И. Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии. М., 1859. С. 19.

⁵⁸ Никольский Ф. Я. Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859. С. 327.

⁵⁹ Морозов А. Г. Торговое земледелие крестьян Центрального Нечерноземья в конце XVIII — первой половине XIX вв. (по материалам ростовского огородничества): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Иваново, 2009. С. 119. См. также: РГВИА. Ф. 846. Т. 3. Оп. 16. Д. 19190 [Промышленная карта Ярославской губернии].

⁶⁰ Подробное статистическое обозрение фабрик и заводов Ярославской губернии. СПб., 1857. С. 26; РГАДА. Ф. 1357. Оп. 1. Д. 53. Л. 103—103 об.

товары: зерно и мука, вино и красная рыба, мед, сало, воск и свечи. Занятие торговлей нередко сочеталось с огородничеством, осуществлялось членами семьи, так и работниками: крепостными и наемными.

Масштабы оптовой торговли отдельных крестьян были сопоставимы с купеческими, когда торговля производилась через собственные конторы со штатом приказчиков. Крестьяне, подобные Маринину Меньшому, являлись для собственного помещика консультантами по торговле, исполнителями по доверенностям его торговых операций. С другой стороны были самостоятельными, крупными, оптовыми торговцами, часто закупали товары в вотчинах своего помещика, использовали его крепостных под залого для казны по поставкам провианта. Пользовались помещичьим покровительством через домовые конторы, с помощью рекомендательных писем, кредитования. Закономерно, что многие из этих крестьян впоследствии выкупились на волю и стали купцами⁶¹.

Предприимчивые крестьяне выступали одновременно как огородники-промышленники, заводчики и как скупщики, подчинив себе мелких огородников-товаропроизводителей. В реализации изделий мелкого производителя большое значение приобрел скупщик – представитель торгового капитала, выступавший заказчиком. Связи ростовских товаропроизводителей и торговцев вышли далеко за пределы местных рынков.

---

⁶¹ Морозов А. Г. О выкупе на волю ростовских крестьян в конце XVIII – первой половине XIX в. // Трефоловские чтения: историческое и литературное краеведение русского города XVIII – начала XXI века: сборник докладов и материалов всероссийской научно-практической конференции (Ярославль, 27–29 сентября 2012 г.) / научн. ред. М. В. Новиков. Ярославль, 2012. С. 79–85.

Ростовские купцы и их «новокрещёны» в 1730–1780-е гг.

Е. И. Крестьянинова

Купцы Кекины, Симоновы, Щеткины, о которых пойдет речь в данной статье, наряду с другими представителями своего сословия устанавливали, формировали и развивали торговые связи Ростова, что способствовало появлению такого определения, как «неусыпные ростовцы». Но речь в настоящей небольшой работе пойдет не об этой достаточно исследованной стороне деятельности ростовского купечества, а о той, что до недавнего времени оставалась в тени, и которую автор берет на себя смелость назвать просветительской, миссионерской.

Около 1730 г. Г. Д. Кекин (около 1710 – около 1780¹), будучи по делам коммерции в недавнем времени основанном Оренбурге, за деньги или путем обмена на товары приобрел себе «калмычонка», имя которого в документах не сохранилось. Мальчика окрестили Иваном, а в дальнейшем он стал именоваться «Иван сын Иванов»². Его привезли в Ростов, где он стал жить в доме своего хозяина. Ивана обучили грамоте и премудростям торгового дела, и он сделался приказчиком Григория Дмитриевича, являясь, по сути, доверенным лицом своего хозяина. Тот женил своего верного помощника на Ирине Ивановой, дочери крестьянина из Спасской слободы, предположительно – состоятельного. Дочь Ивана и Ирины была выдана замуж за жителя Ростова Герасима Федоровича Куракина³. От этого брака родился Василий Герасимович, будущий приказчик Федора Алексеевича Кекина, служивший и у его сыновей Леонтия и Ивана⁴.

То есть, будучи уже свободным человеком, внук калмыка Ивана Иванова продолжал служить у правнуков своего хозяина, сохраняя верность и преданность этой купеческой фамилии.

Одним из поручений, которое выполнил по наказу Г. Д. Кекина Иван Иванов, было приобретение в 1757 году на невольничьем рынке в Новотроицкой крепости «калмычонка»⁵. В то время калмыцкие дети в боль-

¹ Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (далее – РФ ГАЯО). Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4.

² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 17.

³ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 2888. Л. 107 об. Герасим Федорович – сын Куракина Федора Андреевича от 1-го брака.

⁴ *Крестьянинова Е. И., Никитина Г. А.* Граждане Ростова. История ростовского купечества XVII – начала XX века. Генеалогия и судьбы ростовских купеческих родов. Мемуары, дневники, письма. Ростов, 2009. С. 336.

⁵ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4, 5, 5 об.

шинстве случаев попадали на невольничьи рынки, оказавшись в плену у киргиз-кайсаков, которые враждовали с калмыками.

В отличие от Ивана Иванова «Григорий Григорьев из калмыков новокрещен» знал и помнил свою историю. Он происходил из зюнгарских калмыков, которые кочевали близ китайской границы, и звали его Бербя. В одной из стычек с киргиз-кайсаками мальчик попал к ним в плен. Какова бы была его дальнейшая жизнь в качестве раба? Но Бербя, вымененный на товары, был привезен в Ростов, окрещен и находился во владении Г. Д. Кекина 23 года. Это стало возможно благодаря Именному указу от 18 ноября 1757 г., которым повелевалось «<...> калмыкам, по приведению в греко-российскую веру, у покупателей быть во владении неотъемлемым, и держать с запискою в канцелярии безпрепятственно»⁶.

Г. Д. Кекин взял Бербю «за сына», а далее все повторилось, как в предыдущем случае, с калмыком Иваном. Григорий Дмитриевич своего крестника сам и российской грамоте писать и читать обучил⁷, и женил на ростовской девушке с приданым⁸. Калмык Григорий жил у своего хозяина до его смерти, «обращаясь с детьми его Кекина в торговых промыслах»⁹. То есть, калмык Григорий не был забитым слугой Кекина. Тот любил и ценил своего воспитанника. Григорий Дмитриевич даже завещал собственной дочери по смерти своей «выдать тому Григорию тысячу рублей в вознаграждение»¹⁰, — очевидно, за верность, честность и порядочность в работе по торговому делу.

В 1780 г. Г. Д. Кекин умер, и Григорий с семейством поступил в наследственное владение его сыновьям, которые отпустили всех их на свободу. Затем он записался вместе с женой, сыном и двумя дочерьми в ростовское мещанство (в 40-алтынный оклад), получил паспорт, занялся торговлей и зажил своим домом¹¹. Не будет большой смелостью предположить, что его потомки до сих пор живут в Ростове. Вопрос только в том, знают ли они о своем калмыцком происхождении.

Вообще, как явствует из документов, Г. Д. Кекин определенно благоволил калмыкам. Все в той же Троицкой крепости в августе 1758 г. Иваном Григорьевичем Кекиным был приобретен для отца еще один калмыцкий мальчик — 13-летний Карагай. При этом сделка была оформлена в том же году в Троицкой градской канцелярии: «<...> и на то <...> из оной градской канцелярии и свидетельство дано того году в августе месяце со взятием в казну пошлин»¹². Через три месяца Карагая крестили Андрианом, но не в Ростове, а в Благовещенской церкви, что в Гостином дворе Оренбурга. Восприемником

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же.

⁸ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1258. Л. 27. «...Ей Татьяне Семеновой 31 г. взята из Квасоварной слободы крестьянская дочь с поездом».

⁹ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4 об.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 27 об.

¹² РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1270. Л. 10.

его стал ростовский купец, соколий помытчик Семен Шестаков. С того времени «он Андриан, по крестному отцу Семенов, жил в том городе Оренбурге для приучения и торговом промысле»¹³ при посланном туда приказчике Г. Д. Кекина. А потом Андриана привезли в Ростов, женили на крестьянской дочери из бывшей Квасоварной слободы Ульяне Алексеевне Дондиной. Их семья находилась в услужении при доме Григория Дмитриевича Кекина. После его смерти Андриан с семьей достался по разделу между сыновьями хозяина Василию Григорьевичу Кекину. В 1780 г. (год смерти хозяина) Андриан умер, его семью отпустили на свободу, а через два года его 15-летний сын Григорий Андрианов записался в ростовское мещанство¹⁴.

Из документов известно, что в 1758 г., также на товары, для Кекиных были выменены еще три мальчика-калмыка – Бурон, Судан, Кубея. У них вполне могла быть такая же судьба, как и у Григория – быть окрещенными, получить другие имена, обучиться грамоте и торговому делу¹⁵, жениться и жить в Ростове... Но о них сведений нет.

У Ивана Дмитриевича Кекина также был калмыцкий ребенок. Как и его собратья, он был выменен на товары, а потом привезен в Ростов, окрещен с именем Михаила, получил прозвание Якимов. Его женили на ростовской крестьянской дочери Аксинье Федоровой. В 1769 г. хозяин отпустил своего калмыка вместе с семейством свободу. Около 1785 г. он умер, его вдова записалась в ростовское мещанство вместе с детьми¹⁶. Возможно, они только числились в Ростове, а жили где-то в другом месте – в Обывательской книге 1795 г. Аксинья Федоровна, вдова, названа «вновь поселившейся» в Крестовоздвиженском приходе¹⁷.

По сохранившимся сведениям, кламыцких мальчиков приобретали не только Кекины. Так, в 1757 г. в той же Новотроицкой крепости купцом Яковом Кайдаловым на имя его тестя ростовского же купца Афанасия Щеткина у киргиз-кайсаков был выменен на товары зюнгарский калмык 8 лет, крещенный в дальнейшем Петром и получивший прозвание Дмитриев. В 1776 г. его отпустил на волю после смерти хозяина его сын Алексей Афанасьевич Щеткин. Будучи свободным, Петр Дмитриев женился на купеческой дочери Прасковье Афанасьевне Мякриной. В 1784 г. все семейство записалось в Ростовское мещанство, может быть, под фамилией Мякрины, хотя вполне возможно, что они сохранили и фамилию Дмитриевы¹⁸.

Калмык, имя которого по крещению стало Игнат, по прованию Васильев, разделил судьбу своих собратьев. Тот же Яков Кайдалов, служивший в приказчиках у Афанасия Щеткина, выменял его в Троицкой крепости

---

¹³ Там же. Л. 9 об.

¹⁴ Там же. Л. 10 об.

¹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 887. Л. 4, 5.

¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1792. Л. 1–2 об.

¹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Л. 413.

¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 1791. Л. 2–8.

в 1758 г., т.е. через год после Петра Дмитриева. В 1759 г. А. Щеткин отдал Игната Васильева Санкт-Петербургскому купцу Константину Иванову. Когда Иванов и его супруга умерли, Игнат Васильев формально стал свободным, но официально — нет. И тогда он подал прошение об освобождении в Государственную коллегию иностранных дел, откуда последовал Указ от 1772 г. сентября 31, который объявлял Игната свободным¹⁹. В 1784 г. он с женой Дарьей, происходившей из крестьян экономического ведомства и «выданной в замужество по отпускной из Спасского монастыря Песковской слободы» записался в ростовское мещанство, а для работы своей в Москве (он был «у питейных сборов») получил паспорт²⁰.

В 1740-х гг. в Ростове наряду с «калмычатами» стали появляться и «башкирчата»²¹.

Вполне возможно, что помимо названных и у других ростовских купцов служили крещеные калмыки и башкиры, но таких сведений нами не обнаружено. Мы не можем говорить и о точном количестве их, приведенных ко крещению. К сожалению, у нас нет данных, насколько широко это явление — приобретение детей башкир и калмыков, их крещение, воспитание — было распространено в России в конце XVIII в.

По непроверенным данным, в Ростове появившихся таким образом здесь инородцев селили компактно, выделяя им землю в районе улицы Спасской, но потом они все разбежались²². Так или иначе, а улица Спасская (современное название — Некрасовская) долгое время имела второе название, народное, неофициальное — «Калмыцкая». И до сих пор в Ростове бытует фамилия «Калмыковы».

Итак, благодаря сохранившимся документам мы можем говорить с уверенностью о восьми случаях приведения в православие восьми человек (шесть калмыков и два башкира), которые, будучи детьми, были приобретены ростовскими купцами. В их числе Г.Д., А.Д., И.Д. Кекины, А. Щеткин, Я.Л. Симанов, действовавшие как просветители — приобщая их, инородцев, к сокровищам православной культуры. А дети новокрепченых становились полноправными российскими подданными, записываясь в мещанство и купечество Ростова, который был для них уже родным городом.

¹⁹ Там же. Л. 9–10.

²⁰ Там же. Л. 10.

²¹ *Крестьянинова Е. И.* Башкиры в Ростове конца XVIII — начала XIX века // Река времени. Уфа, 2015. Вып. 2. С. 51–61.

²² *Нечаев Н. [И.]* Ростовские фамилии // Ростовский гражданин. 1992. 16 мая.